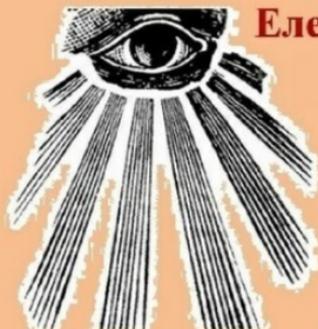

Елена Золотухина-Аболина

ЗОЛОТОЙ ГЛАЗ

Эзотерическая сказка в девяти историях

Елена Золотухина-Аболина Золотой глаз. Эзотерическая сказка в девяти историях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977285

ISBN 9785447488277

Аннотация

Книга Е. В. Золотухиной-Аболиной «Золотой глаз» – это волшебная история о мальчике-художнике, которому снятся необычайные сны. У него возникает талант читать мысли и менять мир своими рисунками, а это – немалое искушение. Вместе с друзьями герой проходит через ряд приключений и важных жизненных открытий. Повести написаны легко, иронично, затрагивают различные моральные сюжеты, связанные с магическими способностями, верой, любовью, дружбой.

Содержание

Несколько слов от автора	5
История 1. Опасный подарок (январь)	6
1	6
2	12
История 2. Отвергнутое сочинение (февраль)	23
1	23
2	33
История 3. Неувязка с портретом (март)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Золотой глаз
Эзотерическая сказка
в девяти историях
Елена Золотухина-Аболина

© Елена Золотухина-Аболина, 2016

В оформлении обложки использована работа О. Бёрдслея

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов от автора

Дорогие читатели!

Волшебные повести не сочиняются, они приходят к писателю по своей собственной воле. Так и ко мне пришла история о мальчике Роме, который обрел прекрасный дар магического рисунка, дар трудный и ответственный. Шаг за шагом перед моим мысленным взором разворачивались события, которые и сложились в девять историй. Их я и предлагаю вашему вниманию. Стоит заметить, что в повести фигурируют реальные персонажи культуры, такие как английский художник Обри Бёрдслей, знаменитый датский сказочник Ганс-Христиан Андерсен, швейцарский психолог Карл-Густав Юнг. Я буду рада, если, познакомившись с этими именами, вы когда-нибудь узнаете о них больше.

Иллюстрации к этой повести я, как умею, нарисовала сама, а на обложке поместила один из рисунков О. Бёрдслея.

В заключение этого маленького предисловия хочу сказать большое спасибо моей семье, – мужу, сыну и невестке, – а также двум кошкам, которые поддерживали и вдохновляли меня на пути написания этой книги.

Итак, начнем наш рассказ!

История 1. Опасный подарок (январь)

1

В день своего одиннадцатилетия Рома Матросов проснулся совсем рано утром. Это было холодное январское воскресенье, свет еще не брезжил, и в доме все спали, кроме кошки Элизабет, которая прыгнула к нему на одеяло и, потянувшись, улеглась у него на животе. Обычно она не мурлыкала, потому что была по натуре сурова как ее британские предки, но в тоже время достаточно хорошо воспитана, чтобы не забыть об этикете. «С днем рождения, Юнга!», – сказала кошка тихо, – Тебе снова снился Старик?», „Спасибо, Бетти, – подумал в ответ Рома, и кошка, конечно, это услышала, она всегда слышала то, о чем он думал, от нее было ничего не скрыть.

Юнгой Рому прозвали в школе, хотя ему казалось, что нет ничего, что было бы от него дальше, чем лазание по реям, чистка палубы и забота о парусах. Просто сначала его прозвали по фамилии Матросом, но он был так не похож на матроса в тельняшке – грудь колесом, бескозырка и трубка в зубах, – что прозвище сменили на Юнгу. Рома был бледный

худощавый русый мальчик со светлыми глазами, похожими на льдинки, с нестриженной шапкой волос, и очень задумчивый. Он был художник, а художники – люди странные.

Рома не учился в художественной школе и не ходил в студию. Он был вольный, стихийный художник-самоучка с пальцами, перемазанными черной тушью, с острым недетским взглядом. Он рисовал черно-белые рисунки и никогда – красками. Одной линией, одной чертой, насмешливые этюды, иронические портреты, черные вороны на белом снегу, черные собаки на белом песке у моря, черно-белый мир, контрастный, резкий, лаконичный – всегда черное и белое, тьма и свет, пронзительно разные. И все его люди и звери куда-то бежали, неслись, спешили, плясали.

Однажды мама повела Рому во Дворец детского творчества, чтобы его научили быть настоящим художником. Чтобы он нарисовал карандашом гипсовую голову, точно измерил пропорции, много раз стер резинкой небрежные штрихи. Но он не подружился с гипсовой головой, хотя она требовательно смотрел на него своими пустыми глазами. Тогда толстая преподавательница в очках сказала ему: «Мальчик, а ты можешь рисовать орнаментально и акварелью? Мы тут планируем детский конкурс цветного орнамента». Рома отрицательно покачал головой, он не умел рисовать орнаменты и не чувствовал себя ребенком. Ему всегда казалось, что он родился взрослым, а все что он рисует – живое, и в любой момент может выбежать за край листа. В орнамент оно

не умещалось.

А еще ему снился Старик.

О Старике знала только кошка Элизабет, и она никогда не осуждала Рому за его сны. Старик приходил изредка, всегда неожиданно, это была величественная фигура с длинной седой бородой и глазами такими же светлыми как у самого Ромы.

На нем было непонятное длинное одеяние, его изящные старческие руки с артистическими пальцами спокойно лежали на коленях, когда он усаживался, как он шутил «почирикать». От него веяло мудростью, опытом, добротой и весельем. Просыпаясь, Рома думал: может, это мой пра-пра-

дедушка? Он даже искал в семейном альбоме и в большом портфеле с фотографиями портрет старика, пусть бы даже маленькую фоточку, давнюю, выцветшую, с заломленным уголком... Он бы все равно узнал, кто это. Но портрета не было. И тогда Рома рисовал. Выводил пером запомнившиеся черты, подробно вырисовывал лукавые морщины, вьющиеся седые пряди, как будто хотел, чтобы старый мудрец, который иногда давал ему советы и порой предупреждал о событиях, появился в обычной жизни. Однажды старик сказал ему: держи ухо в остро, завтра на контрольной тебе попадется самая трудная задачка! Так и вышло. А другой раз он, смеясь, предрек, что у Элизабет родится ровно три котенка и даже посоветовал, кому их раздать. Бетти, надо сказать, была очень признательна.

– Старик тебя поздравил? – вопросительно промурлыкала Бетти и, выражая доброе расположение духа, слегка поцарапала когтями одеяло, – я вижу, он принес тебе подарок... Настоящий серьезный подарок...

Кошка всегда все знала, Рома думал, что она вообще видит на три метра под землю.

– Да, – Рома сморщил нос, стараясь вернуться обратно в сон и вспомнить, что он там видел, – он подарил мне... Таковую странную штуку! Глаз! Представляешь, Бетти, золотой глаз, как будто из проволоки. Такой немножко страшный, необычный... Я его взял, и хотел сказать спасибо, как тут все разом пропало, сон кончился...

– Мурр, – удовлетворенно пропела Элизабет, – теперь ты – почти как я... Значит, Юнга, ты – совсем древняя душа... И она мягко спрыгнула на пол.

Рома не очень понял про древнюю душу, но за окном уже вовсю занималась заря, и прежде чем подняться, можно было еще немножко подумать о том, а что же подарят ему мама и дед?

На самом деле ему хотелось аквариум. Пусть не слишком большой, но чтобы там плавали золотые рыбки с красными боками, которые перламутрово отсвечивают на солнце или под лампой, и чтобы они непременно проплывали через увитый зеленью грот, а их полупрозрачные хвосты струились

как сама вода. Когда-то такой аквариум был в детском саду, и Рома подолгу просиживал возле него как зачарованный. Он тогда много рисовал рыб. Они, правда, были на его рисунках с руками и ногами, такие рыбки-люди, которые жили бурной рыбьей жизнью: собирали чемоданы, куда-то путешествовали, пировали вокруг большого камня как вокруг стола. А когда мама прочитала ему сказку про Русалочку, то Рома решил, что золотые рыбки, это, наверное, маленькие русалочки, только этого никому не видно. Ему всегда казалось, что есть много того, чего никому не видно. Никто ведь не знает, что Элизабет разговаривает! Те детские черно-белые рисунки на альбомных листах до сих пор лежат где-то на этажерке. И вот, Рома просил маму и деда купить ему рыб, но они отнекивались. Дед говорил, что за рыбами надо ухаживать, а Рома, который носа от бумаги не поднимает, делать этого не будет, а мама опасалась, что всех рыб переловит Бетти. Не мог же Рома объяснить ей, что кошка лично клятвенно ему обещала близко не подходить к «ящику с водой»! Нет, все же было бы прекрасно, если бы у него появились рыбки! Рома отбросил одеяло и поднялся с кровати, полный предвкушений и надежд.

Они сидели за накрытым столом. Мама купила красивый, весь в розочках торт, в котором теперь было одиннадцать свечей, которые Рома старательно задул все до одной. Настала пора подарков.

Дядя Артем, мамин брат, забежал поздравить племянника только на минутку и принес в подарок большущий том «Хроник Нарнии». «Конечно, Юнга, ты уже большой, – сказал он немножко смущенно, – но эти сказки такие замечательные! Последнюю ты точно не читал. А может быть, самую первую – тоже». И, помахав родне на прощанье, он отправился на очередной урок к одному из своих учеников, которого на дому репетировал по обществознанию и французскому языку. Дядя Артем работал в той же школе, где учился Рома, и подрабатывал репетиторством, и сегодня он спешил, как он подшучивал, к «своему богатенькому Бурадино», которому завтра предстояло сдавать «хвосты».

Папа поздравил Рому по скайпу, он уже давно жил в Америке, и там у него была другая жена и другие дети – две ромины младшие сестрички, которых он тоже видел только по монитору. Папа каждый год обещал приехать, но так и не приехал, потому что Америка все-таки очень далеко и лететь из нее очень дорого, да и дел у папы в России, в общем-то, не осталось, он работал в программистом в Майкрософте

и уже теперь зарабатывал малолетним дочерям на будущее высшее образование. Впрочем, Рома по нему не особенно скучал, он не помнил его «вживую», поэтому папа оставался для него чем-то вроде телеведущих «в эфире», только телеведущие появлялись на экране гораздо чаще.

Но, вот, мама, и дед... Они могли бы вспомнить про рыбок, которым так хорошо плавается через грот и про то, как здорово на них смотреть. Вот наконец дед поправил очки на носу, крикнул и с серьезным-пресерьезным лицом вышел в коридор, чтобы принести подарок. Впрочем... Коробка во все не походила на аквариум, она была явно маловата, да и банки с предполагаемыми рыбками Рома не увидел.

– Мужчина должен все уметь делать! – строго и назидательно сказал дед и развернул приготовленный презент. Рома разочарованно шмыгнул носом. Это был набор инструментов: молоток, клещи, отвертка, рулетка, плоскогубцы и еще какие-то штуки, о которых Рома понятия не имел. Некоторые из этих замечательных предметов и так лежали дома под шкафом, правда, здесь, в ящичке они были новенькие, блестящие, сияли, и каждая вещица была помещена в свое гнездо.

«Ты, вот, взрослый уже мужик, а ты знаешь, что такое шуруповёрт?» – спросил дед не без пафоса. Рома догадывался, но не знал. Слово «шуруповёрт» ему понравилось. Оно было значительное. Например, «король Шуруповёрт».

– Это ручные инструменты, – продолжал дед, а Рома по-

думал, что это звучит как «ручные звери». Интересно, а инструменты могут быть дикими?

– Смотри, что показывает дедушка, – вернул его к действительности мамин голос, – это же он для тебя купил!

– А рыбки? – робко спросил Рома.

– Человек не должен идти на поводу и своих прихотей, – нравоучительно произнес дед, – с ним это иногда бывало, но сегодня – совсем некстати, – ты – мамина опора, ты – хозяин в доме. Кто должен, например, чинить кран? Не мама же.

«Сантехник», – подумал Рома, но вслух ничего не сказал.

В конце концов, дед хотел ему добра. Дед был профессор-физик, но при этом он не только писал статьи и выводил формулы, отчего его все на работе весьма уважали, но умел и паять, и лудить, и с шуруповёртами обращаться. И Рома честно сказал «Спасибо» и поцеловал деда в колючую седую щеку.

– А теперь мой подарок, – пропела мама ласково и достала с верхней полки этажерки коробку с цветной гуашью, – Погляди, Ромаша, какие цвета! Все оттенки! Ты научишься наконец писать красками как....как... Как Матисс! Как Ван Гог!

– Ну, может, как Ван Гог не надо, – пробормотал дед, вспомнив, что французский художник был безумен и плохо кончил, – но все равно учиись! Глаз тренируй!

Цвета... Рома видел цвета и любил их, но рисовать их

не мог. Он чего-то в них не понимал. И оттого, что мама настаивала, и смотрела на него одновременно восторженно и требовательно, ему стало вдруг ужасно грустно. «Я постараюсь научиться», – сказал он скучно, и принялся ковырять ложечкой в куске торта, хотя аппетит у него совсем пропал. Ему не хотелось обижать маму, но все же было очень жаль себя.

А мама и дед, совершив священное действие дарения подарков, стали беседовать между собой, и беседа их, направленная воспитательными речами, текла тоже как-то нравоучительно и назидательно. «Человек должен себя блюсти, – рассуждал дед, вот, например, я! Я уже много лет как пью только минеральную воду, и ни капли спиртного, ни-ни... Я о нем даже не вспоминаю. Говорят, даже кефир содержит спирт...»

Рома поднял глаза и посмотрел на деда. Дед сидел за праздничным столом как перед университетской аудиторией – прямой, высокий сухощавый, с короткой седой бородкой на впалых щеках, но вокруг его головы, заросшей таким же серебряным ёжиком, вдруг возникло какое-то странное сияние. Как будто открылся экран, и на этом экране нарисовалась большая бутылка «Шампанского». Она плавала вокруг дедовой головы – толстая, зеленая, запотевшая от холода, с рифленой молочного цвета пробкой, окруженной проволокой. Она совершала круги и пируэты, то приближалась, то отдалялась... И Рома понял, что дед, скажем так,

присочиняет... Что он мечтает об этой бутылке, да еще о фужере на длинной ножке, который выплыл откуда-то сбоку. Потом бутылка вдруг беззвучно открылась так, что пробка отлетела прямо в потолок, и золотистое вино полилось в бокал...

Рома зажмурил глаза. И в это время он услышал мамин голос, который вторил дедовым нравоучениям. «А я никогда не мечтала об украшениях, – говорила мама с напором, – вот женщины, обычно так любят всю эту мишуру. Но это же пустое... Будь сама прекрасна, а то тебя ничто не украсит!»

Ромина мама окончила мединститут, она немножко поработала детским врачом, но врачам как и учителям, платят

совсем мало, поэтому мама пошла в косметологи. Она работала днем на работе в салоне красоты, а вечером дома: делала клиентам массажи и маски, и что-то мазала и колола, и смывала, и даже купила какой-то сложный аппарат, в котором всегда светила очень яркая лампа, чтобы видеть каждую ресничку и каждую пору на носу. Она как и Рома когда-то немножко рисовала, и у нее в юности была фантазия, что она будет художником, может быть дизайнером, но все сложилось по-другому. Теперь она занималась, как она говорила, «живой красотой лица» и буквально сутками зарабатывала деньги на жизнь. А художественные альбомы, которые она любила, стояли на полке, и их смотрели Рома с кошкой Элизабет, потому что маме было некогда. Главное, о чем она всегда просила Рому, это чтобы он ни в коем случае не рисовал карикатуры на ее клиенток. Однажды очень ценная клиентка случайно увидела на столе Ромин шарж, узнала себя, сильно рассердилась, даже всплакнула и перестала к маме ходить, а Рома с тех пор понял, что не все, ох не все, любят свои портреты, и старался вообще не глядеть в сторону маминых посетителей, потому что многие из них так и просились на бумагу!

«Украшения – это пошло, – настаивала мама. – у одной моей клиентки, – она совсем девчонка, – сплошь золотые серьги чуть не с кулак величиной, а цепи на шее толстые – как у собаки во дворе, и при этом – никакого вкуса!» Рома посмотрел на маму и увидел, как в нежно-золотистой

ауре вокруг ее головы прямо в воздухе висит, чуть колеблясь и подрагивая, крупный изящный перстень... Ой, как бы ни с бриллиантом... Граненый камень, схваченный узенькой оправой так и сиял, а по оправе располагались камешки поменьше, похожие на крохотные капли росы, и они тоже горели разными цветами...

И тогда неожиданно для самого себя Рома вдруг открыл рот и сказал немножко хрипло и, как ему самому показалось, довольно грубо: «Ну что вы тут все хвалитесь и хвалитесь... Дед,

вон, «Шампанского» хочет, а маме перстень нравится. Алмазный. А говорите, что не надо ничего... Сами себя обма-

нываете.»

Мама вспыхнула. Дед нахмурился. Кошка Элизабет, чуя приближение скандала, тихо юркнула за дверь.

«Что ты выдумываешь! – гневно сказала мама, что за безумные фантазии! Ты совсем распустился! Думаешь, если у тебя день рождения, то можно говорить, что угодно?»

«Это не он распустился, это ты егопустила, Тася, – сокрушенно промолвил дед, – много позволяешь. Чем хочет, тем и занимается, куда хочет, туда и ходит, что хочет, то и смотрит... Ишь ты, старших судить надумал! Яйца курицу не учат, – добавил он и грозно поглядел в сторону стеллажа, где стояли художественные альбомы, – Художник от слова „худо“! Ты опять нашел ключ и смотрел альбом Бёрдслея? В твоем возрасте этого делать не положено.»

Бёрдслей был английский художник 19 века, который рисовал пером, Рома глаз не мог оторвать от его завораживающих графических набросков на библейские сюжеты, от его Саломеи, Пьеро, чертей... Он хотел рисовать также. Недаром альбом этого художника выходил под названием «Шедевры графики»! Правда, у Бёрдслея было много не совсем пристойных картинок, и дед считал, что Роме смотреть их рано и что автор вообще был «странный малый», потому он прятал ключ от стеклянной дверцы, за которой стоял альбом. Бедный дед! Он не принимал во внимание, что можно зайти в Интернет и найти там сколько угодно этих рисунков! И потом он вообще представить себе не мог того, насколько

его внук был знаком с творчеством «гения миниатюры», да и с ним самим...

– Ты нас огорчил! – сказала мама, – ты ведешь себя как невоспитанный человек. Даже если ты что-то думаешь, все не обязательно это тут же сообщать, – упрекнула она, – Но откуда у тебя вообще такие мысли? Ты полагаешь, что твои близкие – лицемеры?

Рома хотел было ответить, но дед его опередил.

– Это, Тася, ему наши подарки не понравились, – сказал он, – Ну, ничего не поделаешь. Ключ от стеллажа я забираю. А ты, Тася, забери ключ от двери и пойдём, проводишь меня. А Роман пусть посидит дома и подумает над своим поведением».

Так сказал дед, они с мамой оделись и ушли в снежный февральский вечер, сердито хлопнув входной дверью, а Рома остался один с набором инструментов, гуашью и своим глубоким недоумением. Он как бы даже не был особенно огорчен размолвкой с родней, словно она осталась где-то в отдалении, он чувствовал себя странно, и хотя обычно почти никогда не смотрел телевизор, взял пульт, залез в кресло и нажал на «плэй». На цветном экране появились люди. Вокруг головы каждого из них был нимб – большое световое пятно круглой формы, и в этих колышущихся пятнах Роме виделись разные разности.

Вот ведущий политической программы, серьезный хмурый дяденька с бритой головой бубнит-рассказывает об оче-

редных международных проблемах, а над головой у него почему-то курсирует туда-сюда большая собака и за ней бегают маленький мальчик. Вот женщина дает интервью, улыбается, немного сбивается, а вокруг нее почему-то крутятся числа, цифры складываются и раскладываются, так что Рома подумал: она, наверное, бухгалтер. А вот показывают подростков, немного старше Ромы, идут, галдят, и над всеми ними маревом дрожит сцена драки: разбитые носы, сжатые кулаки и даже нож-финка... И чем больше смотрел Рома, тем больше, уже не зная как, он понимал, о чем эти люди думают, чего они хотят и о чем мечтают, и ему становилось не по себе, то ли скучновато, то ли страшновато, потому что мысли у людей были в массе невеселые, а то и откровенно агрессивные и злые. Рома все больше вжимался в кресло и все чаще опускал ресницы, чтобы пропустить мимо себя какую-нибудь очередную сумрачную персону, которая извне выглядела вполне милой и даже привлекательной.

– Ну как подарочек, Юнга? – мяукнула рядом Элизабет, которая уже давно примостилась рядом и с любопытством наблюдала за Ромиными опытами.

– Подарочек? – удивленно спросил Рома, быстро отвернувшись от экрана, который казался ему каким-то кривым зеркалом, злым волшебным окном.

– Золотой глаз, – без обиняков деловито пояснила ему Бетти, – ты-то хоть понял, что видишь их всех насквозь? Ты теперь почти как я.

– Пусть заберет свой подарок! – в сердцах воскликнул Рома, мгновенно вспомнив старика из сна, – пусть заберет! От него одни неприятности!

– Эх ты, – упрекнула Бетти, а еще древняя душа! А почему ты не спрашиваешь, отчего ты стал почти как я?

– Отчего? – озадаченно спросил Рома.

– Оттого, что я умею этот глаз еще и закрывать, – гордо пояснила Бетти, но Рома больше ничего не успел у нее спросить, потому что в дверях повернулся ключ – это, проводив деда, вернулась домой мама.

История 2. Отвергнутое сочинение (февраль)

1

Бетти действительно научила Рому закрывать глаз, который видел слишком много и порой совершенно некстати. Но Рома не всегда успевал это сделать. Ему случалось видеть то, чего вовсе не хотелось или то, во что он все равно не мог вмешаться, чтобы что-то изменить. Одна из неприятных историй приключилась с ним в школе, когда Кларисса Петровна задала написать сочинение.

Вообще-то в школе сочинений практически не писали, и мама очень обрадовалась, что «еще есть учителя, которые не забыли, что такое настоящее обучение». «Это замечательно! – сказала мама. – сочинение на вольную тему! Мы так в свое время любили их в школе! Опиши, Рома, как мы ездили с тобой в Испанию по путевке! Какое там было море!» «Холодное», – сказал Рома. «Ну, не только, – возразила мама, – там был огромный ботанический сад, и зоопарк в Барселоне, и потом, мы видели музей Сальвадора Дали». «Ага, – сказал Рома, – весь утыканный хлебом и яйцами». «Вот это и опиши, – велела мама, – и вообще пусть никто не думает,

что мы с тобой тут сидим и плачем оттого, что все кругом путешествуют, а у нас денег мало...»

– Я подумаю, – ответил Рома, но у него был другой замысел.

Клариссу Петровну в классе боялись. Она была, что называется, «сложный человек». На вид ей было лет сорок, она была худа, тонка, одновременно холодна и раздражительна. Ее неопределенного цвета глаза колко глядели из-под стрижки с длинной челкой, а любимым ее занятием было вышучивать своих учеников, ловить их на неизбежных ошибках и ляпах, на неумении сказать и написать. Когда Кларисса Петровна вела урок, в классе, достаточно непоседливом и порой буйном, стояла полная тишина. Никому не хотелось сделаться предметом язвительных замечаний и ядовитых насмешек. Причем, иронизировала учительница так ловко и так зло, что класс покатывался со смеху, а очередная жертва учительского остроумия всякий раз краснела, бледнела, потела и знала, что будет предметом всеобщей потехи еще как минимум пару недель. Рома иногда дома рисовал Клариссу, и она почему-то всегда выходила у него карикатурной, похожей на тощую высокомерную птицу, но в школу он этих рисунков во избежание неприятностей не носил, и только однажды показал своей приятельнице Насте, когда она пришла к нему вместе делать уроки.

– Похожа... – протянула Настя, – она такая злющая, потому что одна. Ни мужа, ни детей.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно спросил Рома.

– А с ней моя тетя вместе училась, – ответила Настя, – она, говорят, надежды подавала, наукой какой-то занималась, отличница была, а потом – раз! И оказалась в школе. Мне кажется, – Настя сдвинула брови, – она нас просто ненавидит, прямо как увидит нас, сразу и трясется... Я, вот, когда таракана в кухне вижу, тоже сразу трясусь, да еще и кричу. Мы для нее как тараканы.

Рома задумался. Кларисса Петровна ни разу не высмеивала его, к тому же он не давал ей поводов на него сердиться: он не носил на уроки планшет с играми, не затыкал уши наушниками с музыкой, а писал достаточно грамотно. С Клариссой Петровной у него был связан один загадочный эпизод, который он теперь и задумал описать в сочинении. Ему надо было понять: видела ли она то же, что видел он?

А дело было так. Прошлой весной Рома гулял с мамой по парку. Погода была прекрасная, светило солнышко, на деревьях проклевывалась первая зелень, и над ними словно бы висел в воздухе зеленый дым молодых листьев. Как раз той весной Роме стал сниться Старик, а вслед за этим потекли яркие как вспышки впечатления, неожиданные совпадения, маленькие ясновидческие отгадки, когда то, о чем думаешь, сбывается назавтра. И тогда же Рома целиком увлекся графическими рисунками, и бердслеева контурная линия виделась ему в абрисе любого прохожего – взрослого или ребенка. Так вот, они с мамой гуляли по парку, где было вовсе

мало людей. Рома мчал впереди на самокате, а мама тихонько брела следом, щурясь от яркого апрельского солнышка. Незадолго до поворота аллеи она встретила кого-то из подружек, и остановилась с ними поболтать, а Рома устремился вперед, и домчал бы до конца дорожки, до самых ворот, как вдруг заметил странного молодого господина в старинном темном сюртуке, держащего в руках папку с листами бумаги и явно сосредоточенно что-то рисующего. Вокруг него, овеивая листы бумаги и ресницы, струился легкий, едва заметный свет. Господин поднял веселое горбоносое лицо, и Рома обомлел. Это был Обри Бёрдслей. Он узнал бы его из тысячи похожих молодых людей в похожих сюртуках. Давно умерший, и тем не менее, вполне живой гений взглянул на Рома и помахал ему рукой, поманил к себе. И Рома подкатил к нему на своем самокате, вовсе не задумываясь о том, на каком языке он может с ним разговаривать, и как вообще все это возможно.

– Привет, Ромул, – сказал он, и Рома все понял, сам не зная, как, – я давно тебя ждал.

– А почему Ромул? – растерялся Рома, – я Рима не основывал... Зовите меня Юнгой, меня так все зовут, – он глубоко вздохнул от волнения, – а вы – сэр Обри?

– Ну уж прямо-таки сэр... Зови меня просто Обри. Ты же знаешь, я ушел в другой мир молодым, мне только-только двадцать пять исполнилось. И потом, все художники – братья. Ты же будешь художником?

– Не знаю, – сказал Рома, – я еще не учился этому. А говорят, надо с детства учиться, – повторил он слова своего дедушки.

– Ты научишься, – Бёрдслей посмотрел на него весело и как бы оценивающе, – у тебя здорово получается. Только не слишком увлекайся как я мифами, как это было со мной, – ох уж эти мифы! И я все фривольные рисунки потом велел уничтожить, пусть твоя родня не опасается, что ты здесь пойдешь по моим стопам... Лучше рисуй настоящее, то, что видишь. Вот, гляди, какой выразительный типаж с черной собакой!

Рома оглянулся. По дорожке мимо них гордо шествова-

ла Кларисса Петровна, ведя на поводке черного пуделя. Она в упор смотрела на Бёрдслея в его нелепой старинной одежде как смотрят на какую-то сомнительную диковину, смотрела надменно, холодно, свысока, вероятно думая, что это какой-то фигляр, которого лучше обойти стороной.

– У нее что-то не так с душой, она вся высохла изнутри, – озабоченно произнес Бёрдслей, и в это время Кларисса Петровна поравнялась с Ромой, который старательно поклонился и поздоровался с ней, но она удостоила его лишь беглого едва заметного кивка. А когда Рома вновь повернулся, Бёрдслея уже не было...

– С кем это ты стоял? – спросила мама, которая к тому моменту уже обсудила с подругой все последние косметические семинары и оказалась рядом, – такой интересный молодой человек с одухотворенным лицом? И еще Кларисса Петровна тут мимо вас проходила?

– Это учитель из художественной школы, – немедленно нашелся Рома, и на самом деле это было почти правдой...

И вот с тех пор Роме не давал покоя вопрос: если мама видела Бёрдслея, видела ли его Кларисса Петровна? Кто вообще еще мог его видеть? И, мучимый своим любопытством, Рома решил рассказать в сочинении на вольную тему этот необычный эпизод в парке. Ну, в конце концов, пишут же люди фэнтези и всякую фантастику! На вольную тему можно и фантастику написать, а расхвалить рисунки любимого художника было для Ромы одним удовольствием... И он,

не послушав маминого совета писать об отдыхе, принялся излагать историю этой немыслимой встречи, заменив в тексте Клариссу Петровну на выдуманную Анну Ивановну.

В день объявления оценок Кларисса Петровна пришла в класс чернее тучи, и у нее не было настроения шутить, пусть даже иронично. То, что ее что-то гнетет, видно было сразу. Она некоторое время ходила туда-сюда вдоль доски и стола, на котором горой лежали исписанные листки, а класс, присмирев, испуганно следил за ней десятками настороженных глаз. Потом Кларисса Петровна остановилась, вскинула голову так, что длинная челка взлетела вверх, обнажив лоб с двумя резкими вертикальными морщинами между бровей, и подняв тонкий палец с длинным ногтем указала на Рому.

– У нас произошло неприятное происшествие сказала она, – Роман Матросов бесстыдно списал свое сочинение из какой —то чужой книги. Я не знаю, что это за книга, но он сам не мог это написать, – Кларисса Петровна даже притопнула, – Это совсем не детский текст, к тому же наполненный какими-то бредовыми идеями, ожившими мертвецами, больной фантазией. Я ставлю ему двойку за ложь и плагиат, – и она враждебно сощурилась.

Рома, не ожидавший прямого нападения, ужасно удивился. Он как бы даже сразу не обиделся, потому что подумал, что Кларисса Петровна чего-то не поняла. И вообще дедушка всегда говорил ему, что не надо чужое раздражение сразу

принимать на свой счет, может, у человека живот болит... Он медленно поднялся со стула и сказал, чуть дрогнувшим голосом: «Я не списывал. Можно на антиплагиате проверить. Я сам написал. Это... Сказка».

– Ты мог списать из старой книги, которой нет в Интернете, – отрезала Кларисса Петровна, – а если ты написал это сам, – она возвысила голос, – то тебя надо отвести к врачу. К психологу. К психиатру. Но ты не мог этого написать. Это для тебя... слишком умно. И слишком безумно!

«Мы для нее как тараканы», – вспомнил Рома Настино замечание, и вдруг подумал, что Кларисса Петровна не только видела Бёрдслея, она его и *услышала*... И понял, что она

не простит ни его, Рому, ни графика XIX века...

Класс замер, все молча потупились, было слышно как за окном гудят и клаксонят машины.

– Вы тут все бездарности и лжецы, – процедила Кларисса Петровна, с ненавистью озирая предусмотрительно опущенные головы учеников, которые не хотели встречаться с ней глазами: казалось над ней стояла какая-то темная аура. Но Рома, в котором обида смешалась с любопытством, все же вскинул взгляд и вдруг – о, ужас! – увидел, как за ее плечами открывается длинный черный туннель, который скрыл собой доску и стену. Это была бездонная, уходящая к горизонту темнота, и из этой непроглядной бездны вдруг появился маленький, но шустрый бес, скорчил Роме безобразную гримасу, и за мгновение ловко вскарабкался Клариссе Петровне на левое плечо. Он пошмыгал уродливым носом-пяточком, поболтал короткими задними лапами с копытцами – Рома все это видел, как будто кто-то поднес к его глазам увеличительное стекло, – а потом бес достал что-то из кармана на мохнатом сером брюхе и стал пересыпать из ладони в ладонь. Что-то белое. Какие-то горошины... И внезапно Рома понял, что это таблетки снотворного, много таблеток, и они текли ручейком из одной шерстистой бесовской ладони в другую.

Бывает, что смысл становится ясен без слов. Словно в ускоренной съемке Рома увидел «Скорую помощь», санитарные носилки, и узкую руку Клариссы Петровны с агато-

вым перстнем на среднем пальце, которая безвольно свисала через край носилок из-под белой простыни.

И тогда Рома глубоко вздохнул и снова, также как это произошло дома месяц назад, сам от себя не ожидая, вдруг ясно и отчетливо произнес: «Кларисса Петровна, не делайте этого».

В тот же момент ощутил, что она, как ни странно, его поняла... Холодная ярость сбежала с ее лица, она испуганно взглянула на Рому, потом тряхнула головой, будто снимая наваждение, нахмурила брови и, ничего не ответив на его внезапную и для всех загадочную фразу, отчеканила: «Если это написал ты, то тебе надо проверить голову. Психолог сегодня в школе. Бери свои листки и ступай к ней».

2

Ему снова снился сон. Маленькое приветливое озеро, кругом холмы, и теплое лето. Зеленая, светлая, с легкими тенями и птичьим чириканьем в ветвях. Возле озера скамеечка, на скамейке Старик, Рома возле него, а сэр Обри прилежался напротив них на боку на травке, опершись локтем о пригорок. Вот смешно: и Старик и сэр Обри – оба в джинсах, в курточках каких-то с кнопками по сегодняшней моде, и Роме на них смотреть удивительно и забавно.

– Ну, Юнга, как психолог? – спросил сэр Обри, – она нашла у тебя какие-нибудь проблемы? – он сел, скрестив ноги, и насмешливо фыркнул, а потом сорвал веточку и стал задумчиво жевать ее, вопросительно глядя на Рому.

– Нет, конечно, – Рома улыбнулся, – психолог – хорошая тетка, сказала: «Иди, милый, с Богом! Мне Кларисса Петровна сегодня пятого ученика посылает...»

– Она ведьма, ваша Кларисса, – промяукала рядом неизвестно откуда возникшая Бетти, – мягко прыгнула на скамейку и решительно устроилась у Старика на коленях, – я знаю, прошлой ночью она оборачивалась черной кошкой, и хотела драться со мной возле мусорных ящиков на задворках... Такая ретивая!

– Ты сочиняешь, Элизабет! – ни минуты не сомневаясь воскликнул Рома, – она не может оборачиваться черной

кошкой... Она не умеет. Она что-то такое чувствует, но ни во что это не верит и ничего этого не признает... Она не верит в чудеса. Обри верно сказал, что у нее что-то с душой...

– Ну, сочиняю, нимало не смутившись согласилась Бетти, – значит она недо-ведьма. Может, это еще хуже!

– Она что-то с собой сделает? – тревожно спросил Рома у Старика, который глядел на воду и задумчиво поглаживал Бетти по серой спинке, – она собралась травиться? Я видел таблетки. Она умрет?

– Не умрет, – Старик осторожно скинул Бетти с колен и откинулся на спинку скамейки, – желудок только испортит.

– Почему она такая? – снова спросил Рома, – почему она злая и... несчастная?

– Наверное, ей не хватает любви, – раздумчиво предположил Бёрдслей, – ее никто не любит, и она никого... Любовь же как кислород – если не хватает, то задыхаешься.

– Ее кто-то сильно обидел? – не унимался Рома, – Хотя я понимаю, что это, наверное, не главное... Вот, маму тоже сильно обидели, а она... Ну, расскажет лишний раз напоказ, что ей ничего от жизни не надо, перстней там, поездок всяких... Хотя на самом деле надо. Но ведь она сама никого не обижает! А что будет с Клариссой Петровной? Она может измениться к лучшему?

– Это зависит от нее самой, – сказал Старик, – и потом, когда люди хоть на мгновение попадают в другой мир, они иногда возвращаются из него лучше, чем были. Но ты мо-

лодец, ты пытался ее предупредить, что не стоит рисковать, мало ли как оно повернется...

– Я не собирался видеть ее бесов, – честно признался Рома, – это само получилось. Я не успел закрыть Глаз. Хотя, возможно, я сам во все виноват, это же я затронул тему про душу, а она рассердилась. Ей, видно, хочется нормальной души или чтобы хотя бы никто не видел, что у нее душа засохла...

– Золотой глаз – глаз художника, – как бы поясняя, заметил Бёрдслей, – забрасывая изжеванную веточку в кусты, – когда проснешься, попробуй нарисовать эту противную Клариссу, только так, чтобы она была уже не противной. Чтобы была спокойной. Ну, нарисуй ее, например, Принцессой... В розовом платье и на балу... Ах, ты же не рисуешь красками! Ну, хоть черно-белую. А потом раскрась. Я так делал в свое время. Не злятся же Принцессы на балу! Может, и она подберет.

– Я попробую, – неуверенно сказал Рома, – но не могу обещать, что у меня получится. И разве станешь доброй с испорченным желудком?

И когда Бёрдслей закончил эту фразу, Рома почувствовал, что Бетти тыкается холодным носом в его руку, и услышал звон будильника.

На другой день Кларисса Петровна не пришла на работу, и ученикам сказали, что она отравилась несвежими пирожками из соседнего супермаркета и лежит в больнице.

Рома никому не высказал никаких сомнений на эту тему и несколько раз пытался последовать совету Бёрдслея – нарисовать Клариссу Петровну молодой, красивой и в бальном платье. «Может быть, это как-то поможет ей?» – думал он, – но рисунок у него не получался, все выходила какой-то недобрый шарж, что при нынешнем положении дел смотрелось и вовсе неуместно. Помучившись некоторое время, он бросил этот эксперимент, сказав себе, что Старик ясно дал понять: она должна справиться сама. Шли дни, история с Клариссой Петровной отодвигалась в прошлое, а у Ромы возникли новые проблемы, которые всерьез заставили его задуматься, как же ему дальше жить на свете, обладая Золотым Глазом.

История 3. Неувязка с портретом (март)

Хотя кто знает, кто знает? Может быть, дело было не только в Золотом глазе? Может быть, оно было в чем-то еще? Потому что проблемы следовали одна за другой, и совсем грустно, когда они касались, как это было в его день рождения, близких людей.

Так, перед прекрасным праздником 8 марта Рома чуть не поссорился со своей подругой Настей, которая надо сказать, ему очень нравилась.

Мама звала Настю «миленький дружочек» за добрый нрав и за то, что она все про всех знала. Правда, бабушка называл ее «болтушкой», но это тоже звучало смешно и не обидно. Настя жила в соседнем доме и сидела в классе позади Ромы, иногда она ему подсказывала, как решать задачи, потому что с математикой он как-то не очень справлялся. Настя всегда была пухленькая, розовощекая, кудрявая, во дворе ее с детства за круглые щечки дразнили «пончиком». Рома к ней всегда хорошо относился, старался не дать ее в обиду и по мере сил гонял тех, кто кричал Насте «Пончик, а ну-ка подкинь мяч!» Или «Пампушка, а ты проскачешь на одной ножке во-о-н до того дерева?» Он вообще не любил, когда дразнятся. А последнее время Рома стал замечать, какие

у Насти большие серые глаза и симпатичные ямочки на щеках, и как она славно и по-доброму улыбается... Нет, поссориться с ней было бы совсем плохо и досадно, да к тому же из-за собственной бестактности, спровоцированной никем иным, как Золотым глазом...

Рома нередко бывал у Насти в гостях. Ее мама – такая же румяная «пампушка» очень хорошо готовила, и Рому угощали то пирогами, то пирожками, то котлетками с пылу с жару, то какими-то по-особому запеченными в духовке рыбами, и хотя Рома, зачарованный бумагой и тушью, обычно дома не очень обращал внимание на то, что он ест, здесь даже он не мог не восхищаться поварским искусством хозяйки. Настин папа держал небольшой магазинчик, где торговал всякой всячиной, а жена его – Настина мама – сидела дома и с удовольствием занималась стряпней, хотя на папе этот кулинарный рай вовсе не сказывался, он так волновался из-за своего бизнеса, что, наверное, мог съесть целого быка и все равно оставаться стройным. Мама и Настю готовить научила. Настя отлично пекла блины и варила борщ, так что в прошлом году на школьном кулинарном конкурсе получила второе место. И она вовсе не была толстой, как показывают порой в американских фильмах. Девочка себе и девочка...

Роме всегда казалось, что у Насти веселый характер. Она аппетитно кушала, так что хотелось немедленно к ней присоединиться, и также аппетитно смеялась, и играла во все

подвижные игры, и бегала быстро, поэтому мамин брат дядя Артем порой говорил «а вот мимо Настуся пронеслась как пушечное ядро». И ему даже в голову не приходило, что она может быть чем-то в себе не довольна. Единственное известное ему ее огорчение состояло в том, что ее не взяли на фигурное катание. Она на коньках не могла устоять: щиколотки подламывались, ничего не получалось, и пришлось уйти, а смотреть катание по телевизору она очень любила, и в Интернете выбирала сайты, где можно посмотреть еще раз прошлые соревнования. Ну и что? Рома ведь тоже не подошел для студии, где рисовали орнаменты... В общем, Рома полагал, что Настя живет, припеваючи до тех пор, пока Золотой глаз не показал ему обратное.

Впрочем, неладное он стал замечать и без Глаза. Во-первых, время от времени Настя становилась какой-то скучной и печальной, а щеки у нее бледнели, и в эти дни она никогда не приглашала Рому в гости. Во-вторых, однажды, придя к Насте, он нашел у нее на диване сборник рецептов для похудения. Там был один кефирный день, и один морковный, и яблочный, и еще какой-то, кажется на пустом чае, хотя и с сахаром. Рома представил себе день на пустом чае и поёжился. А еще на письменном столе, где Настя делала уроки, стояла вырезанная из глянцевого журнала фотография какой-то шоу-дивы, у которой талия была тонкая как шея, а ноги длинные словно у кузнечика, которого Рома однажды летом поймал в траве, и он подумал, что, если дива прися-

дет, то острые коленки у нее точно также будут торчать выше ушей.

Но тогда Рома не особенно этим всем озаботился, и тревожно ему стало только тогда, когда они как всегда сели за красиво накрытый стол. На столе стояла белая фарфоровая миска с пирожками, над чашками с чаем вился пар, в вазочке лежали, сияя оранжевыми боками, апельсины. Рома взялся за пирожок, однако краем глаза заметил, как Настя протянула руку к пирожкам, но тут же ее отдернула. А над головой ее, – тут-то и заработал Глаз, – он увидел зависшую в воздухе длинную желтую змею весьма неприятного вида: упругую, узорчатую с сильным хвостом, маленькими злыми глазками и острыми зубами в чуть приоткрытой пасти. Самое интересное, что по туловищу змеи аккуратным настиным почерком была выведена надпись «Диета».

Змея свила над Настиной головой кольцо, потому, опустившись, обвила руку и мощным рывком потянула ее к вапочке с апельсинами. Настя тяжело вздохнула, взяла апельсин и стала медленно его чистить, тоскливо поглядывая в сторону пирожков. А змея опустилась ей на плечи, обвив шею и зорко следила, чтобы Настя ни в коем случае снова не потянулась к заветной миске. Рома понял, что Настя решила худеть, что теперь она будет есть только яблоки и киви, пить кислое молоко и чай, может быть, даже без всякого сахара. Он не совсем понимал, зачем ей это, но от всей души посочувствовал. Он уже знал, что девчонки время от времени сходят с ума на какую-нибудь тему: то косы растят, то стригутся чуть не наголо, то худеют, то носят только джин-

сы... И именно тогда он подумал, что, возможно, он может как-то помочь Насте, и порадовать ее, если он нарисует ее похожей на ту диву с ногами как у кузнечика. Ведь сказал же Бёрдслей: «Нарисуй Клариссу принцессой в розовом платье... Может, она подбреет», так, возможно, если он нарисует Настю, она станет такой, какой хочет быть... Хотя ему, Роме, она нравилась и такая, как есть.

Впрочем, приближалось 8 марта, и Рома взялся за рисунок.

Картинка получилась своеобразная. На ней была нарисована Настя с ее кругленькими щечками, – а иначе она была бы вовсе не похожа, – но с худеньким, совсем тонким телом, очень узкой талией, в пышном платье выше колен и на коньках. Она стояла на одной ножке, подняв другую «ласточкой», в тонюсенькой руке держала розу, а другая рука ее явно кого-то приветствовала, похоже, зрителей. Рома постарался изобразить лёд, в котором Настя зыбко отражалась и набросал на этот лед еще несколько букетов цветов. Рисунок был черно-белый, но очень старательно, подробно прорисован, и сам Рома относился к нему как к опыту волшебства: «снип-снэп-снурре-пурре-базелюрре!», как говорил Волшебник в пьесе Евгения Шварца «Снежная королева», и вот Настя станет стройной, как мечтает, и сделается чемпионкой по танцам на льду! Он правда хотел, чтобы она радовалась, а не грустила!

Но вышло все совсем по-другому. Рома хотел поздравить

Настю с женским днем на перемене в школе, когда мальчики их класса поздравляли девочек. Он еще принес ей букетик фиалок, которые сладко пахли, и новую шариковую ручку, а портрет наклеил на картон, чтобы его можно было дома поставить на письменный стол. Но к его глубокому огорчению Настя вовсе не обрадовалась его искреннему подарку. Глаза ее сначала округлились, а потом губы дрогнули и в глазах появились гневные слезы: «Ты на меня нарисовал карикатуру?» – спросила она вдруг охрипшим голосом, – Ты же знаешь, что я не умею кататься!»

«Ну, ты научишься, – растерялся Рома, – ни у кого сразу не получается...»

«И ты знаешь, что я не ху-день-ка-я! – отчеканила Настя, – я чересчур кушать люблю!», – слезы уже потекли по ее щекам, – А ты надо мной смеешься! А я думала, что ты друг!»

Она всунула портрет, который держала в руках, обратно Роме, повернулась на каблучках и так быстро убежала прочь, что Рома даже пикнуть не успел. И сколько он ни крутился на следующем уроке, сколько ни оборачивался на заднюю парту, стараясь заглянуть Насте в лицо, чтобы встретиться взглядом, она все время смотрела в тетрадь, ресницы ее были опущены, а уши горели. Настя обиделась. Она его не поняла. Нежные фиалки увядали, упав под стол, а шариковой ручкой тут же принялась писать Настина соседка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.